

Н.С. РОЗОВ

Историческая макросоциология: становление, основные направления исследований и типы моделей*

Историческая макросоциология – междисциплинарная область исследований, в которой изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций.

По объему предметного поля эта наука (далее, просто – макросоциология) практически совпадает со всеобщей (мировой) историей, но использует в большей мере подходы и методические средства *теоретической истории* (построение и проверка относительно строгих объяснительных теорий исторических явлений [Разработка... 2001; Розов, 2002]).

Макросоциология отвечает на традиционные для философии истории вопросы о структуре, направленности, закономерностях, ходе истории, но не на философском, а на научном теоретическом уровне. Познавательные методы и средства макросоциология заимствует из обширного спектра социальных наук: социологии, политологии (особенно сравнительной), геополитики, кросскультурных исследований, экономической истории, этнологии, исторической демографии и т.д.

Краткий обзор истории и основных направлений макросоциологии

Изначально социология рождалась и развивалась именно как макросоциология. О. Конт, К. Маркс, Дж.-С. Милль, Ф. Теннис, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер занимались главным образом макросоциологической проблематикой: формулировали законы и определяли этапы исторического прогресса, развития и смены общественных формаций, описывали и изучали принципиальные типы обществ, культур и цивилизаций. В то время научный методический аппарат социологии еще не был разработан, приходилось обсуждать множество абстрактных онтологических, эпистемологических и аксиологических вопросов, поэтому работы этих авторов могут с тем же успехом считаться социально-философскими и философско-историческими.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский грант № 06-03-00346а). Выражаю благодарность П. Турчину и С. Цирелю за обсуждение рукописи статьи и ценные замечания.

В XX в. социология стала более узкой, эмпиричной, методичной, сконцентрировалась на изучении групп и слоев отдельного общества-нации, во многом утратила интерес к большим историческим процессам. Такова традиция, которая нам хорошо знакома по стандартным социологическим журналам и учебным программам. При этом довольно много талантливых ученых продолжали макросоциологические исследования, как правило, не оцененные современниками, но получившие большой резонанс в последней трети прошлого столетия (П. Сорокин, К. Поланьи, Й. Шумпетер, Л. Уайт, Н. Элиас, Н. Луман, А. Клебер, П. Баран, Б. Мур).

С 1970-х гг. появилась самосознательная *историческая социология* [Tilly, 1978; Тили, 2000] и началось бурное возрождение *макросоциологии*. В высшем образовании с начала 1990-х гг. она стала институализироваться в университетах США как отрасль социологии и с тех пор неуклонно распространяется в англоязычном академическом мире, а также в Голландии, Германии, Франции, Италии, Скандинавских странах, выступая под разными именами, отпочковываясь от социологии, мировой истории, геополитики, политической и экономической географии, геоэкономических, кросскультурных, цивилизационных исследований, и т.д. Учебник С. Сандерсона "Макросоциология" [Sanderson, 1995^a] уже выдержал множество изданий, появляются новые учебные пособия, но в основном обучение опирается на современные монографические исследования.

Важной вехой самосознания макросоциологии стала книга Р. Коллинза, где во введении с говорящим названием "Золотой век макроисторической социологии" сведено воедино множество, казалось бы, разнородных исследовательских направлений, показаны их общие основания и причины продолжающегося расцвета и расширения [Коллинз, 2000^a]. Наиболее теоретически продвинутыми направлениями являются:

- исследования военно-центрированного становления современных государств;
- сравнительное изучение социальных революций и государственных распадов, крушения империй;

- анализ мировых систем;

- исследования геополитической динамики, долгих циклов гегемонии;

- сравнительно-исторические исследования семейных отношений;

- изучение эволюции культурных норм, "цивилизующих манер";

- макроистория болезней и окружающей среды;

- макросоциологические сравнения в истории искусства;

- социальная и сравнительная история пола, сексуальности, материальной культуры.

К списку Коллинза следует добавить:

- исследования Большой истории, объединяющие в единых концептах эволюцию звезд, Солнечной системы, историю Земли, биологическую эволюцию, происхождение человека и традиционную историю [Spier, 1996; Анатомия... 1999];

- бурно развивающуюся область изучения социальной эволюции, сравнительной антропологии и этнологии, тесно взаимодействующую со сравнительной археологией, где нередки прорывы к ценным макросоциологическим обобщениям; следует особо отметить блестящие исследования Р. Карнейро с его макросоциологической теорией происхождения государства [Carneiro, 1970^a; 1970^b; 1988; The Early... 1978; Diamond, 1997; Gellner, 1988; Harris, 1977] и сравнения уровня сложности обществ по количеству и профилю четко выделенных критериев [Carneiro, 1970^b], оригинальную книгу Дж. Даймонда, возрождающую на новом уровне географический детерминизм [Diamond, 1997], а также работы Э. Геллнера, Г. Классена, Г. Ленски, М. Салинза, Э. Сервиса, М. Фрида, М. Харриса, Т. Эрля [Gellner, 1988; Claessen, 1978; Harris, 1977] и др.;

- продолжающиеся (хотя и без прежних амбиций, характерных для О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина, А. Кребера, Ф. Бэбби и др.) сравнительные исследования цивилизаций [The Boundaries... 1987; Время... 2001];

- масштабные сравнительные исследования технологического обмена и диффузии в связи с международной политикой [Bulliet, 1975; Headrick, 1981; 1991; Pacey, 1990; Ralston, 1990];

– сравнительные и обобщающие работы по межкультурной торговле, проблемам рабства и работорговли, по колониальным отношениям, по последствиям вестернизации и индустриализации в разных уголках планеты [Adas, 1989; Chaudhuri, 1990; Stinchcombe, 1995; The Political... 1991; Wolf, 1982];

– сравнительные исследования демократических транзитов и др.

В сфере политических наук наиболее близка к макросоциологии по тематике, по общей направленности и методологии, конечно же, быстро и успешно развивающаяся область *сравнительной политологии*. В ней практически всегда используется обращение к широкому историческому, социальному, экономическому, культурному, географическому и другим контекстам, что дает основание считать ее областью пересечения политических наук и исторической макросоциологии. При этом в обеих областях сравнительная политология – наиболее продвинутое и перспективное направление исследований. Наряду с изучением революций, генезиса, трансформации и распада государств обширно и бурно развивается область сравнительного анализа процессов демократического транзита с его успехами и неудачами, откатами к авторитаризму, застреванием в режиме имитационной демократии и т.п. [Карл, Шмиттер, 1993; Липсет, Сен, Торрес, 1993; Пшеворский, 2000; Растой, 1996; Di Palma, 1990; Collins, 1999; Huntington, 1991].

Историческая макросоциология в России

Советская социология, которая стала пробуждаться с 1960-х гг., естественным образом ориентировалась на мейнстрим тогдашней западной, преимущественно американской социологии с ее традиционным вниманием к опросам, анализу общественного мнения и т.п. Макросоциологическая проблематика оставалась табуированной, поскольку была надежно монополизирована одной из главных идеологических дисциплин – "историческим материализмом" ("истматом"). Судя по всему, данная родовая травма сохраняется. Поэтому, несмотря на переводы классических макросоциологических трудов Сорокина, Элиаса, Лумана, Поланьи, Шумпетера и новых превосходных книг, таких как "Социология философии" Коллинза и "Долгий двадцатый век" Дж. Арриги [Коллинз, 2002; Арриги, 2006], отечественные социологи за редчайшим исключением остаются равнодушными к анализу крупных социальных процессов, даже не считая такие исследования "подлинно научной социологией".

Во многом по причине неведения, отчуждения и равнодушия социологов в России макросоциология пока не легитимирована, не говоря уже о ее институализации. Не менее плачевна ситуация и с другой потенциальной материнской дисциплиной – историей. Постсоветская история имеет свою травму, связанную с эмансипацией от давно надоевшего марксизма [Гуревич, 1990], вкупе с которым были отброшены темы крупных исторических сдвигов и трансформаций, задачи выявления объективных закономерностей, и т.д.

Российские историки либо наслаждаются обретенной возможностью проводить глубоко эмпирические, узкие архивные изыскания без излишних теоретических умствований, либо переживают "радость узнавания", когда на своем, местном, материале обнаруживают нечто похожее на новомодные (обычно французские или немецкие) концепты. Есть попытки ассимилировать достижения социальных наук, чтобы полностью подчинить их обновленной историографии, причем с нескрываемой анти-теоретической установкой [Могильницкий, 2002, с. 30–33]. Лишь редкие историки, как правило, старшего поколения (И. Дьяконов, о котором см. ниже, а также Э. Кульпин, В. Чубаров, В. Илюшечкин, Ю. Березкин [Кульпин, 1990; Чубаров, 1991; Илюшечкин, 1992; Березкин, 2005]) позволяют себе крупные обобщения, широкий сравнительный и теоретический анализ. Эту линию подхватывают историки среднего поколения [Мионов, 1999; Крадин, 2001; Коротаев, 2003; Нефедов, 2005].

Подрастающее поколение историков проявляет живой интерес к проблемам исторической макросоциологии, но действительного прорыва, появление серии новых яр-

ких работ следует ожидать только после радикального обновления нынешних замшелых вузовских курсов "методологии истории". Современный арсенал методов и средств математической и теоретической истории ([Бородкин, 1986; Турчин, 2007; Разработка... 2001], а также теоретический и макросоциологический стиль мышления сейчас еще не вполне доступен молодым исследователям.

Итак, по многим причинам макросоциология в России весьма далека от признания и институализации, она все еще "растаскивается" между геополитикой, социальной и экономической историей, социальной философией и философией истории, политологией и политической философией. В то же время в постсоветской России, несмотря на дискредитацию марксизма и "истмата" (во многом идеологическую и поверхностную), сохранился и продолжает расти интерес исследователей (как правило, с философским, историческим и общегуманитарным бэкграундом) к изучению *крупных социально-исторических процессов*. С 1990-х гг. стали появляться альманахи и журналы, ориентированные на мировой научный контекст ("THESIS", "Цивилизации", "Время мира", "Логос", "Космополис", "Прогнозис", "История и математика" и др.), содержащее множество материалов по макросоциологической проблематике.

Большинство отечественных авторов (А. Ахиезер, И. Гобозов, В. Голубев, А. Жданко¹, А. Назаретян, Г. Померанц, С. Семенов, Ю. Яковец и др.) работают на философском, сугубо концептуальном, а то и схоластическом уровне, не прибегая к явному формулированию и проверке теоретических положений, не говоря уже о систематическом анализе исторических данных. На этом фоне выделяется книга историка-востоковеда Дьяконова "Пути истории" [Дьяконов, 1994]. Несмотря на историческое самосознание, Дьяконов написал вполне макросоциологическую работу с явным выделением фаз социального развития, критериев их различения, механизмов и закономерностей переходов, и т.д. Не случайно именно эта книга переведена на английский и, чуть ли не единственная среди современных отечественных исторических и обществоведческих трудов, изучается в западных университетах.

Следует отметить также перспективное и уже получившее ценные результаты направление *теоретического изучения и математического моделирования процессов исторической динамики и социальной эволюции* (в 2006–2007 гг. издано четыре выпуска альманаха "История и математика" на русском языке и один на английском). Данное направление обозначило область своих исследований как "клиодинамику". Фактически – это не что иное, как применение математического моделирования и статистического анализа в рамках той же исторической макросоциологии [История... 2007].

Особняком стоят отечественные работы по *геоэкономике, сравнительной экономической истории, миросистемному анализу, теории модернизации* [Постиндустриальный... 2001; Гайдар, 2005]. Их выгодно отличает внимание к эмпирическим данным, к современным дискуссиям в мировой науке, к политическому и культурному контексту экономического развития. Однако оригинальных ярких, "прорывных" исследований пока нет; возможно, сказывается излишний пиетет по отношению к западным авторитетам, сопутствующая робость в проведении собственных сравнительно-исторических исследований экономического развития по оригинальной методологии.

Теоретическая и методологическая ветвь макросоциологии развивается с середины 1990-х гг. в Новосибирске (после того, как автор этих строк прошел стажировку в Центре Фернана Броделя под руководством И. Валлерстайна). Специалистам известны три выпуска альманаха "Время мира" [Время... 2000; 2002; 2003]. Широкому кругу методологических, теоретических и эмпирических макросоциологических проблем посвящены выпуски серии коллективных монографий "Теоретическая история и макросоциология" ([Разработка... 2001; Макродинамика... 2002]. Опубликованы монографические исследования с разработкой философских и концептуальных оснований, арсеналом методов, средств, моделей макросоциологии и теоретической истории [Розов, 1992; 2002].

¹ А. Жданко ныне живет в Израиле, но активно публикуется в России.

В отечественной *сравнительной политологии* получило развитие сопоставление процессов политической динамики в регионах [Рыженков, 2006; Гельман, 2007]. Успешно развиваются сравнительные этнополитические исследования [Паин, 2003; 2004]. Некоторые авторы эффективно применяют развитую методологию систематических сравнений при анализе факторов политической и исторической динамики (методы Бэкона–Милля и аппарат булевой алгебры по Ч. Рэгину) [Щербак, 2002], работы С. Филиппова, Ю. Вертгейм и др. [Разработка... 2001; Макродинамика... 2002].

Проблема ведущих факторов исторической динамики и социальной эволюции

В мировой и отечественной макросоциологии периодически возникает полемика о том, к какой сфере принадлежат главные, ведущие факторы исторического развития. Позиции дискутирующих можно обозначить следующим образом:

- "геоцентризм" (от классического географического детерминизма Ш. Монтескье И.-Г. Гердера до культурно-географических концепций В. де ла Бланша и экогеографического детерминизма Дж. Даймонда [Diamond, 1997]);
- "экономоцентризм" (марксизм и миросистемный анализ);
- "политоцентризм" (макиавеллизм Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса, классическая геополитика Ф. Ратцеля, Р. Челлена, Х. Маккиндера, школа политического реализма Г. Моргантау и т.д.);
- "техноцентризм" (Л. Уайт, В. Росту, Д. Белл, Дж. Гэлбрейт);
- "биоцентризм" (от расовых теорий Ж. де Гобино, социал-дарвинизма Л. Гумпловича и Г. Ратценхофера до современной социобиологии);
- "культуроцентризм" (ошибочно приписываемый М. Веберу; скорее, здесь нужно упомянуть О. Шпенглера, К. Леви-Стросса, Э. Кассирера, Н. Элиаса, М. Фуко, в России – Ю. Лотмана, М. Петрова, А. Гуревича и В. Библера);
- "психоцентризм" (дильтеевская историческая психология, палеопсихология Л. Леви-Брюля, фрейдизм и неофрейдизм, юнгианство, современная палеопсихология, историческая психология – "психоистория").

Выяснить, какая сфера самая важная, на мой взгляд, не так полезно, как исследовать вопрос о силе воздействия изменений в одной сфере на изменения во всех остальных или о том, есть ли по меньшей мере в одной из перечисленных сфер некий постоянно действующий "мотор". Я имею в виду движитель, порождающий в тех или иных эпохах и культурах основную долю исторической динамики и необратимых эволюционных изменений (развития). Для решения таких проблем можно и нужно разрабатывать широкие исследовательские программы, основанные на сравнительно-историческом и теоретическом подходе.

Насколько мне известно, такого рода программы, открытые к разным обществоведческим парадигмам, не были реализованы. Марксисты постоянно упирают на роль экономики, цивилизационщики – на роль культуры, либерально ориентированные исследователи – на политические и правовые институты, и т.д.

Веберианцы выгодно отличаются многомерным видением, хотя их упор на четыре сферы М. Вебера обычно не доказывается, а берется в качестве априорной предпосылки [Collins, 1986; Mann, 1987; 1993]. Согласно Веберу, всегда следует учитывать четыре главных аспекта:

- *политику* (власть, государство и бюрократия);
- *хозяйство* (экономика, производство, обмен, распределение);
- *религию* (теперь обычно говорят о культуре и идеологии);
- *положение на международной арене* (геополитика).

Сюда следует также добавить:

- *географию* (границы, береговые линии, ландшафты, расстояния, почвы, социально значимые особенности флоры и фауны);
- *геоэкономику* (экономические взаимодействия с окружением и в глобальном масштабе);

- *геокультуру* (заимствование, обмен, экспансия культурных образов, пересекающие политические границы);
- *демографию* (расселение, этническое разнообразие, миграции);
- *социально-структурную сферу* (структуры родства, образования, информирования, медицины);
- *технологии* (инфраструктура, связь, транспорт и пр.).

При отсутствии результатов систематических исследований здесь можно привести только предварительные соображения. Сами сферы ни на что не влияют. Это – только условные множества факторов, обладающие некоторой силой воздействия на переменные качества и факторы той же и других сфер. Так, рост производства или расширение рынков мы привыкли приписывать *экономической* сфере, но более пристальный взгляд всегда обнаружит в этих явлениях *технологическое и социально-структурное* развитие.

Некоторые аспекты могут показаться незначимыми лишь потому, что соответствующие целостности и качества не меняются или меняются медленно. Они имеют статус условий (часто необходимых, но недостаточных) для рассматриваемых изменений. Все, что происходит в *экономике* (тем более, процессы социально-экономического развития), всегда происходит в условиях определенных ландшафтов с ресурсами, коммуникациями и пр. (*география*), сложившейся структуры расселения (*демография*), структур могущества на территориях (*геополитика*), структур власти и принятия решения, правовых режимов и институтов (*политика*).

В других сферах обнаруживается примерно такая же картина. Например, замкнутый ландшафт, жесткие морально-правовые нормы, высокая детская смертность, недостаток продовольствия могут привести к демографической стагнации или даже депопуляции. Политические режимы и институты могут не только развиваться, но и стагнировать, более того, даже в наше время есть случаи распада государств на враждующие племена (Афганистан, Заир и др.). То же происходит с технологиями, социально-структурной сферой, религиями и идеологиями.

Итак, макросоциологический взгляд – это открытость к реальному разнообразию, сложному взаимовлиянию и изменчивым приоритетам движущих факторов из указанного (вполне условного) набора сфер.

Теоретические модели исторической макросоциологии

Дискурсивные описательные модели – традиционные концептуальные инварианты некоторой (часто неопределенной) совокупности исторических случаев. Как правило, в них фигурируют как структурные составляющие (элементы, связи, части, уровни, аспекты системы), так и динамические (разного рода изменения, процессы, тенденции). В таких моделях могут присутствовать частичные и эскизные объяснения, намеки на объяснение, но нет четко сформулированных общих гипотез со спецификацией начальных условий [Гемпель, 2000]. К описательным моделям относится большинство обобщений в работах классических макросоциологов – Конта, Маркса, Дюркгейма, Милля, Спенсера, Вебера, Зиммеля, Тенниса.

Дискурсивные объяснительные модели – более высокий и редкий тип. Их правильнее уже называть концепциями, или предтеориями. Они включают четко сформулированные общие гипотезы или теоретические положения со спецификацией начальных условий [Гемпель, 2000]. Дюркгейм вышел на уровень объяснительной модели в своем методологически безупречном исследовании социальных причин самоубийств [Дюркгейм, 1998]. Яркими образцами таких концепций служат макросоциологические работы [Moore, 1966; Bendix, 1978; Brenner, 1976; Carneiro, 1970^a; Collins, 1986; Skocpol, 1979; Коллинз, 2000^b; Пшеворский, 2000; Растой, 1996]².

² Обзор работ, посвященных этой тематике, см. также в [Розов 2002, гл. 4].

Модели социальных механизмов сосредоточены на внутренних структурных и динамических составляющих различных социальных, культурных, исторических процессов. В системных терминах раскрытие механизма некоторого процесса, характеризуемого парой вход–выход, представляется как замена "черного" ящика "прозрачным". Такого рода модели обычно имеют дискурсивный и описательный характер, но могут дополняться явными объяснительными гипотезами, разного рода диаграммами, графами, а также математическими и статистическими моделями [Social... 1998].

Наиболее продуктивные модели социальных механизмов в макросоциологии:

- *базовые факторы исторической динамики*, как правило, направленные на нарушение равновесной стабильности, ведущие к значимому дискомфорту и вызовам [Розов, 2002; Коротаев, 2003];

- модели типа вызов–ответ с классификацией не только вызовов [Тойнби, 1991], но и ответов [Время... 2001, с. 291–300];

- модели групповой и массовой *мобилизации* [Tilly, 1978], а также *динамические стратегии* как сложные комплексы коллективного поведения с единой объективной направленностью в течение двух и более поколений, с использованием достигнутых результатов как плацдарма для дальнейшего продвижения [Snooks, 1996; Розов, 2002, гл. 3]. Например, продолжающиеся в течение многих поколений колонизации, завоевания, расширение рынков, распространение религий и образа жизни – типичные примеры особого класса экстенсивных динамических стратегий;

- механизмы *конфликтного взаимодействия*, принятия решений и "контентности" [Collins, 1975; Дарендорф, 1994; McAdam, Tarrow, Tilly, 2001];

- *тренд-структуры* как взаимосвязи факторов, представленные в виде ориентированных графов [Stinchcombe, 1987; Коллинз, 2000^а; Разработка... 2001, с. 128–163]. В исторической динамике и социальной эволюции главную роль играют *мегатенденции распада* (положительные контуры деструктивных трендов) и *мегатенденции расцвета* (положительные контуры трендов роста и развития) [Анатомия... 1999; Время... 2001, с. 291–300];

- механизмы развития, трансформаций, транзитов, эволюционных скачков [Carpneiro, 1970^а, 1970^б; Sanderson, 1995^б; Розов, 1992; 2002; Гринин, 2003];

- механизмы *фазовых переходов, разветвляющихся сценариев*; так, представленная в виде фазовой диаграммы *универсальная модель исторической динамики* [Время... 2001, с. 291–300] объединяет все представленные выше модели.

Удобно, наглядно и весьма популярно в макросоциологии представление исторической динамики в *двумерных параметрических пространствах*. Например, представление пути формирования современных государств в параметрах интенсификации принуждения и интенсификации капитала [Tilly, 1992] или представление "колеи" циклов социально-политической истории России в параметрах "успеха" (геополитического престижа и внутренней социальной стабильности) и "свободы" (обеспечения прав и свобод граждан) [Розов, 2006].

Наконец, предельно строгими, доказательными, но накладывающими весьма жесткие требования к предварительной концептуализации являются *статистические и математические модели* [Бородкин, 1986; Коротаев, Комарова, Халтурина, 2007; Турчин, 2007; История... 2007].

Наиболее продуктивные методы исторической макросоциологии

Анализ временных рядов, трендов, волн и циклов – генетический метод, но центрированный не на дискурсивном описании и объяснении, а на исследовании исторически изменчивых количественных параметров. Главный прием – построение и анализ таблиц данных и соответствующих графиков для самых различных параметров. Фактически выявленные тренды, циклы или более сложные паттерны составляют лишь феноменологию долговременных процессов, требующую теоретического анализа поро-

дающих условий и механизмов. Поэтому данный подход следует считать начальным этапом построения теоретических и математических моделей.

Исторические сравнения – вовсе не один "компаративный метод", а целый арсенал сложно организованных подходов, приемов и процедур. Их различные классификации, сделанные в свое время Ч. Тилли, Т. Скочпол, М. Соммерс, К. Чейз-Данном, детально описаны и сопоставлены между собой в другой работе [Разработка... 2001, с. 67–89]. Здесь будут эскизно представлены только те сравнительные подходы, которые показали себя наиболее продуктивными на разных стадиях построения макросоциологической теории (детальнее о применении сравнений в методе теоретической истории [Разработка... 2001, с. 90–127]).

Начинать лучше всего с *метода схождения* по Бэкону–Миллю. Суть его – в выявлении общего набора причин в двух или более существенно различных случаях со сходным (структурно тождественным) результатом. Так, Карнейро выявлял сходства автохтонного происхождения государств в долинах Хуанхэ, Инда, Двуречья, Нила, Мехико, побережья нынешнего Перу [Carneiro, 1970^a]. Скочпол охарактеризовала общие черты в условиях социальных революций во Франции, в Китае и России [Skocpol, 1979]. П. Кеннеди и Дж. Тэйнтон выявляли сходные условия разрушения империй [Kennedy, 1987; Tainter, 1988]. В своем классическом исследовании условий и фаз демократизации Д. Растоу сравнивал процессы становления демократии в Турции и Швеции и обнаружил набор сходств (национальное единство как очевидная общая установка, патовая ситуация в силовом противодействии, продолжительные безрезультатные споры и конфликты, перекрещивающиеся расколы и т.д.) [Растоу, 1996].

Найденные сходные обстоятельства обычно трудно разделить на существенные и случайные, трудно определить, значениями каких факторов они служат. Важным средством уточнения такого рода вопросов служит *метод различия*. Здесь сопоставляются два максимально схожих случая (оптимально – одно и то же сообщество в разных периодах, соседние или родственные сообщества, близкие по большинству параметров) с диаметрально противоположными исходами; соответственно, найденные различные обстоятельства и трактуются как причины расхождения результатов. Так, Карнейро выделял различия, обуславливающие разную политическую эволюцию южноамериканских индейцев, попавших в долины нынешнего Перу (где появилась мощная централизованная Империя инков) и в Амазонию (мелкие деревушки в бескрайних просторах джунглей) [Carneiro, 1970^a].

Метод сопутствующих изменений сейчас полностью покрывается корреляционным анализом и сам по себе уже практически не используется. Наиболее изящное и теоретически рафинированное – это историческое сравнение как аналог критического эксперимента. Назовем его *критическим сравнением* (иногда его также называют "естественным экспериментом"). Если имеются две и более гипотезы (теории), объясняющие один и тот же тип явлений, то в естествознании проводят критический эксперимент: искусственно в лаборатории конструируют такие конфигурации условий для серии явлений, что по их результатам можно судить, какая гипотеза фальсифицируется, а какая подкрепляется.

В социологии, тем более в макросоциологии, эксперименты невозможны (как по моральным, так и по организационно-затратным причинам). Зато возможна специальная, так называемая теоретическая выборка случаев как логический аналог критического эксперимента. Допустим, в одной теории предполагается, что явление *S* детерминировано условием *A*, а в другой – условием *B*. Обычно имеет место сочетание условий *AB*. Критическое сравнение состоит в том, чтобы найти группу случаев с ярко выраженным условием *A* при отсутствии или слабом *B* и сравнить их следствия *S* со следствиями другой группы случаев – с ярко выраженным условием *B* при отсутствии или слабом *A*. Критическое сравнение возможно также при проверке прогнозов.

Так, для Дж. Голдстоуна главный фактор революций, ведущих к государственному ослаблению или распаду, – перенаселенность [Goldstone, 1991]. Лайн, Ни и Уайлдер считали, что рыночные реформы подрывают социалистическую государственность

(например, китайскую) [Nee, Lian, 1994; Walder, 1994]. Однако, согласно теории Коллинза, большое население является геополитическим ресурсом, а успешный экономический рост благодаря переходу к рынку должен вести к усилению могущества государства на внешней арене, что повышает легитимность государства и препятствует революционным настроениям. Современная динамика китайской, индийской государственности характеризуется ростом населения, которое (несмотря на все меры по сдерживанию) растет, причем экономика этих стран также растет быстрыми темпами. Российская государственность (где относительно малое население неуклонно сокращается, а экономика огосударвляется и скорее стагнирует, чем развивается) как раз и выступает объектом критического сравнения ("естественного эксперимента") для оценки вышеуказанных теоретических положений.

В целом необходимо отметить, что сравнительно-исторические методы обеспечивают главный эмпирический фундамент для построения и проверки макросоциологических теорий, в этом аспекте их значимость нельзя преувеличить. Сколь бы детальными, тонкими, изощренными и нюансированными ни были анализы отдельных случаев, сколь бы глубокими и проницательными ни были генетический анализ или исследование временных рядов и трендов, *общность и доказательная сила макросоциологических теорий обретаются только при обращении к историческим сравнениям.*

* * *

Последние десятилетия определенное разочарование в системных, структуралистских, математических и количественных методах привело к доминированию идеографических, антисциентистских направлений, из которых наиболее громкую, хотя и сомнительную известность, получил так называемый постмодернизм. Это проявилось не только в антиобъективистских, антиисторических, антипросвещенческих выпадах агрессивных маргинальных течений, но и в идеографическом крене к "казусам", "интерпретациям", "деконструкциям" таких авторитетных научных традиций, как школа "Анналов" (см. [Розов, 2008]). Приходящие к нам западные веяния, относительно уравнишенные у себя на родине множеством разнонаправленных векторов, в России, как нередко бывает, догматизируются, грозя превратиться в революционно-опустошающие кампании, закономерно сменяемые усталым цинизмом. Теперь российские историки и обществоведы почти повсеместно установили *антитеоретический консенсус* [Розов, 2007], когда лень и отсутствие воли к познанию прикрывается стереотипной хулой будто бы устаревших "научной истины", "объективизма", "позитивизма", "сциентизма", "плоского эмпиризма", и т.д.

Бурное и плодотворное развитие мировой исторической макросоциологии ("золотой век") уже привело к убедительному усилению *новой номотетики* – направленности на построение объяснительных теорий на основе систематического сравнительно-исторического анализа. В этом явлении я вижу шанс возрождения теоретического мышления и для отечественных историков и обществоведов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анатомия кризисов. М., 1999.
Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.
Березкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. М., 2005.
Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.
Время мира. Вып. 3. Война и геополитика. Новосибирск, 2003.
Время мира. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000.
Время мира. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001.
Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005.
Гельман В.Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. 2007. № 2.
Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 2000.

- Гринин Л.Е. *Философия, социология и теория истории*. Волгоград, 2003.
- Гуревич А.Я. *Теория формации и реальность истории* // Вопросы философии. 1990. № 11.
- Дарендорф Р. *Элементы теории социального конфликта* // СОЦИС. 1994. № 3.
- Дьяконов И.М. *Пути истории*. М., 1994.
- Дюркгейм Э. *Самоубийство*. Социологический этюд. СПб., 1998.
- Илюшечкин В.П. *Теория стадийного развития общества (ее история и проблемы)*. М., 1992.
- История и математика. *Концептуальное пространство и направления поиска*. М., 2007.
- Карл Т.Л., Шмиттер Ф.К. *Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе* // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3.
- Коллинз Р. *Золотой век исторической макросоциологии* // Время мира. Вып. 1. 2000^а.
- Коллинз Р. *Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса* // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 2000^б.
- Коллинз Р. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск, 2002.
- Коротаев А.В. *Социальная эволюция: факторы, проблемы, тенденции*. М., 2003.
- Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны*. М., 2007.
- Крадин Н.Н. *Кочевничество в современных теориях исторического процесса* // Время мира. Вып. 2. Новосибирск, 2001.
- Кульпин Э.С. *Человек и природа в Китае*. М., 1990.
- Липсет С., Сен К.-Р., Торрес Дж. *Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии* // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3.
- Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных изменений. Новосибирск, 2002.
- Миронов Б.Н. *Социальная история России*. В 2 т. СПб., 1999.
- Мозильницкий Б.Г. *Междисциплинарный синтез: уроки школы “Анналов”* // Методологический синтез: прошлое, настоящее, перспективы. Томск, 2002.
- Нефедов С.А. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. Екатеринбург, 2005.
- Паин Э.А. *Исторический “бег по кругу” (Попытки объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России)* // ОНС. 2008. № 4.
- Паин Э.А. *Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России*. М., 2004.
- Паин Э.А. *Этнополитический маятник: цикличность этнополитических процессов в современной России* // Общественные науки и современность. 2003. № 5.
- Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.
- Пиеворский А. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М., 2000.
- Разработка и апробация метода теоретической истории. Новосибирск, 2001.
- Растоу Д. *Переходы к демократии: попытка динамической модели* // Полис. 1996. № 5.
- Розов Н.С. (Не)мыслящая Россия. *Антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации* // Прогнозис. 2007. № 3.
- Розов Н.С. *“Спор о методе”, школа “Анналов” и перспективы социально-исторического познания* // Общественные науки и современность. 2008. № 1.
- Розов Н.С. *Структура цивилизации и тенденции мирового развития*. Новосибирск, 1992.
- Розов Н.С. *Философия и теория истории*. Кн. 1. Пролегомены. М., 2002.
- Розов Н.С. *Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление?* // Полис. 2006. № 2.
- Рыженков С.И. *Динамика трансформации и перспективы российского политического режима* // Неприкосновенный запас. 2006. № 6(50).
- Тилли Ч. *Будущая история* // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 2000.
- Тойнби А. *Постижение истории*. М., 1991.
- Турчин П.В. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М., 2007.
- Чубаров В.В. *Ближневосточный локомотив: темпы развития техники и технологии в древнем мире* // Архаические общества: узловыe проблемы социологии развития. М., 1991.
- Щербак А.Н. *Коалиционная политика российских партий* // Полис. 2002. № 1.
- Adas M. *Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance*. New York, 1989.
- Bendix R. *Kings or People: Power and the Mandate to Rule*. Berkeley–Los Angeles, 1978.

- The Boundaries of Civilizations in Space and Time. Lanham, 1987.
- Brenner R.* Agrarian Class Structure and Economic Development in the Pre Industrial Europe // Past and Present. 1976. № 70. February.
- Bulliet R.W.* The Camel and the Wheel. Cambridge, 1975.
- Carneiro R.* Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures // A Handbook in Cultural Anthropology. New York, 1970⁶.
- Carneiro R.* The Circumscription Theory: Challenge and Response // American Behavioral Scientist. 1988. № 31.
- Carneiro R.* A Theory of the Origin of the State // Science. 1970^a. Vol. 169.
- Chaudhuri K.N.* Asia, before Europe: Economy and Civilization of the Indian Ocean from the Rise of Islam to 1750. Cambridge, 1990.
- Collins R.* Conflict Sociology. New York, 1975.
- Collins R.* Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford, 1999.
- Collins R.* Weberian Sociological Theory. New York, 1986.
- Diamond J.* Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. New York, 1997.
- Di Palma G.* To Craft Democracies: an Essay on Democratic Transitions. Berkeley, 1990.
- The Early State.* Hague–Paris–New York, 1978.
- Gellner E.* Plough, Sword, and Book. The Structure of Human History. Chicago, 1988.
- Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991.
- Harris M.* Cannibals and Kings: The Origins of Cultures. New York, 1977.
- Headrick D.* The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century. New York, 1981.
- Headrick D.* The Invisible Weapon: Telecommunications and International Politics, 1854–1945. New York, 1991.
- Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. London, 1991.
- Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York, 1987.
- Mann M.* The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760. Cambridge, 1987; Vol. II: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. Cambridge, 1993.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch.* Dynamics of Contention. Cambridge, 2001.
- Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966.
- Nee V., Lian P.* Sleeping with Enemy: A Dynamic Model of Declining Political Commitment in State Socialism // Theory and Society. 1994. № 3.
- Pacey A.* Technology in World Civilization: A Thousand Year History. Oxford, 1990.
- The Political Economy of Merchant Empires: State Power and World Trade, 1350–1750.* Cambridge, 1991.
- Ralston D.B.* Importing the European Army: The Introduction of European Military Techniques into Extra-European World, 1600–1914. Chicago, 1990.
- Sanderson S.K.* Macrosociology. An Introduction to Human Societies (3-d ed.). New York, 1995^a.
- Sanderson S.K.* Social Transformations: A General Theory of Historical Development. Blackwell, 1995⁶.
- Skocpol T.* States and Social Revolutions. New York, 1979.
- Snooks G.* The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change. London–New York, 1996.
- Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory.* New York, 1998.
- Spier F.* The Structure of Big History. From the Big Bang until Today. Amsterdam, 1996.
- Stinchcombe A.* Constructing Social Theories. Chicago–London, 1987.
- Stinchcombe A.* Sugar Island Slavery in the Age of Enlightenment. The Political Economy of Caribbean World. Princeton. 1995.
- Tainter J.* The Collapse of Complex Societies. Cambridge–New York, 1988.
- Tilly C.* Coercion, Capital, and European States, A.D. 990–1990. Oxford, 1992.
- Tilly C.* From Mobilization to Revolution. Reading (Mass.), 1978.
- Walder A.* Decline of Communist Power: Elements of Theory of Institutional Change // Theory and Society. 1994. Vol. 23.
- Wolf E.* Europe and the People without History. Berkeley, 1982.